

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

М.А. Юревич

*к.э.н., научный сотрудник, Финансовый университет при
Правительстве РФ (Москва)*

УМНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И АНТИКРИЗИСНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

Аннотация. В ответ на управленческий кризис в области инновационного развития европейских стран была разработана концепция так называемой умной специализации, быстро снискавшая популярность и взятая на вооружение правительствами многих стран, в том числе за пределами ЕС. Идея умной специализации была активно подхвачена и в академическом сообществе, что привело к взрывному росту числа публикаций по этой теме. Однако многие из этих работ были посвящены весьма обстоятельной критике, которая сводилась, по большей части, к опровержению теоретической, практической значимости и новизны данного конструкта. Самое острое направление критики исходит из затруднённости или даже невозможности оценки эффективности применения стратегии умной специализации. В проведённых расчётах приверженность субъектов РФ этой концепции выражена через прокси-параметры: наличие самого термина в региональных стратегических документах, качество инновационной политики и профиля экономики региона в координатах специализация/диверсификация. Согласно полученным результатам, наблюдается крайне неоднозначная картина с точки зрения возможности региональных экономик противостоять кризисным потрясениям и условному уровню соответствия доктрине умной специализации. Таким образом, эта концепция, судя по объёму накопленных критических замечаний, вряд ли может рассматриваться в качестве универсального инструмента форсированного развития региональной экономики. Более того, остаётся не ясным, в какой мере антикризисная устойчивость отдельных регионов обеспечивает экономическую безопасность страны в целом.

Ключевые слова: умная специализация, диверсификация, инновационный рост, региональная экономика.

JEL: O32, R11, R1

УДК: 332.02

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_60_72

© М.А. Юревич, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юревич М.А. Умная специализация и антикризисная устойчивость регионов России // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 60–72. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_60_72.

FOR CITATION: Yurevich M. Smart Specialization and Anti-Crisis Stability of Russian Regions // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 60–72. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_60_72.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2024 г.

Введение

Проблемы региональной экономической политики уже долгие годы дают почву для академических дебатов и не сходят с повестки органов власти по всему миру. На фоне перемен в системе госуправления России эта тема получила новую актуальность в свете необходимости обеспечения экономической безопасности страны в целом и её отдельных субъектов. С учётом обильных потоков бюджетных инвестиций, направляемых в промышленные, инфраструктурные и социальные объекты, ещё более остро встал вопрос об определении приоритетов развития и соблюдения баланса между национальными и региональными интересами.

В зарубежной региональной инновационной политике (особенно в странах ЕС) мейн-стримом стала концепция так называемой умной специализации (УС), которая как раз предлагает набор аналитических инструментов для выявления областей перспективной экономической специализации, определения направлений диверсификации территориальных экономических комплексов, а также калибровки мер поддержки участников инновационного процесса. Однако и зарубежными, и российскими экспертами под сомнение ставится не только оригинальность самой концепции, но и её применимость к отстающим районам, а кроме этого и другие аспекты её практического приложения. Самое главное — в научной литературе почти не представлено исследований, содержащих результаты эмпирической оценки эффективности этого управленческого подхода, в том числе резистентности регионов, последовавших по пути УС, к кризисным явлениям.

Генезис концепции УС

Идея УС зарождалась в ходе научных диспутов о причинах расхождения в производительности труда между США и Европой с 1995 г. [Lazzeretti, Oliva, Innocenti, 2023]. Но как оформившаяся самостоятельная концепция она заявила о себе в процессе работы экспертной группы «Знания для роста» под эгидой Еврокомиссии в 2007–2009 гг. [Абашкин и др., 2021]. Природа концепции имеет ярко выраженный синтетический характер. Она вобрала в себя элементы экономической географии (особенно эволюционной экономической географии), моделей распространения инноваций, а также теории размещения производств [Тополева, 2022; Giustolisi, Benner, Trippel, 2023].

Итак, фундамент УС — способность локальной (региональной) экономической системы генерировать новые области экономической специализации за счёт открытия новых областей возможностей, локальной концентрации и агломерации ресурсов и компетенций в этих областях [Foray, 2016]. Основной инструмент реализации УС — стратегии регионального инновационного развития, которые охватывают множество этапов работы: от детального анализа сильных и слабых сторон экономики территории, вовлечения в процесс всех заинтересованных сторон до мониторинга результатов. УС направлена на создание новых путей развития, т.е. инновационных направлений (траекторий) экономики для конкретного района. Кроме того, качественное развитие местности может произойти за счёт расширения ранее проложенной траектории, т.е. в результате увеличения концентрации инноваций в рамках существующей экономической траектории. Традиционная отрасль может быть преобразована в более сложную (усовершенствование существующей траектории). Также регион может диверсифицировать модель экономики, объединяя различные траектории, или же он может внедрять новые траектории, способствуя созданию в регионе новых отраслей, не связанных с существующими [Balland et al., 2019].

Приоритет выбора сразу множества траекторий, преследуя цели диверсификации и специализации одновременно, роднят концепцию УС с теорией экономической сложности. Так, регионы, накапливая знания и технологии, получают базу для формирования

новых или инновационного обновления существующих траекторий, создавая тем самым новые области специализации. В конечном счёте территориальные экономические комплексы становятся более сложными и диверсифицированными [Rodríguez, Demmler, 2023].

Важно отметить, что в рамках этой концепции именно региональным правительствам отводится главенствующая роль в создании и развитии очагов специализации соответствующих ареалов. В рамках концепции УС помимо разработки и контроля реализации самих стратегий развития в зону ответственности местных властей входит модерация интересов всех участников инновационного процесса (предпринимателей, университетов и научных центров, институтов развития и т.п.). Как показали исследования, механизмы реализации УС крайне чувствительны к качеству институциональной среды в конкретной зоне [Rodríguez-Pose et al., 2014; McCann P., Ortega-Argilés, 2014].

Первым и самым масштабным полигоном для испытания новой концепции стала территория ЕС. До распространения концепции УС в инновационной политике европейских стран (и не только) доминировали кластерный подход и стратегии региональных инновационных систем как элемент аналогичной национальной конструкции. Предпосылками для обновления стратегии управления инновациями в ЕС стали фрагментарность соответствующих государственных практик и дублирование профилей центров генерации знаний и технологий [Foray, 2014. Pp. 10–11]. Вдобавок на уровне ЕС сформировалась избыточно сложная система налоговых и субсидиарных стимулов инновационной деятельности, что вкупе с влиянием новых типов процессов (де-глобализации, в том числе решоринга), выдвинули на передний план необходимость радикального пересмотра регулирования этой деятельности [Vanthillo, Beckers, Verhetsel, 2021]. Наконец, сама парадигма региональной политики подошла к новому витку цикла извечного противостояния «подтягивать отстающих или форсировать рост лидеров», т.е. дивергенции-конвергенции развития территорий (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика эволюции региональной политики в Европе

	Традиционная региональная политика	На пути к стратегической региональной политике	Стратегическая региональная политика	Территориально-ориентированная политика
	1950–1970 гг.	1970–1990 гг.	1990–2010 гг.	2010–2030 гг.
Основная цель	Сбалансированное региональное развитие	Сбалансированное региональное развитие	Фокус на конкурентоспособности, сбалансированное региональное развитие	Возросший приоритет миссия-ориентированности, социальных и природоохраненных целей
Объект воздействия	Отстающие территории в рамках административных границ, отобранные национальными правительствами	Отстающие территории в рамках административных границ, отобранные при контроле органов ЕС	Все территории, приоритет территориям-хабам	Все территории, приоритет территориям-хабам межрегионального, трансграничного профиля
Субъект управления	Центральное правительство	Центральное правительство	Многоуровневая система управления	Многоуровневая система управления с участием звеньев четверной инновационной спирали

	Традиционная региональная политика	На пути к стратегической региональной политике	Стратегическая региональная политика	Территориально-ориентированная политика
	1950–1970 гг.	1970–1990 гг.	1990–2010 гг.	2010–2030 гг.
Стиль управления	Секторальный подход (субсидии, трансферы и поддержка со стороны национальных властей)	Секторальный подход, реализация региональных программ	Реализация стратегических региональных программ с привлечением софинансирования	Реализация комплексных программ посредством умной специализации, реализация стратегических региональных программ
Теоретический базис	Неоклассическая теория роста, теории размещения производств	Неоклассическая теория роста, теории размещения производств, стратегический менеджмент	Теории эндогенного роста, Новая экономическая география, нео-маршаллианские теории	Территориально-ориентированные подходы
Основной эффект	Конвергенция	Дивергенция	Конвергенция	Дивергенция
Показатели успешности	ВВП	ВВП, уровень занятости	ВВП, аудит крупных проектов	Индекс региональной конкурентоспособности, аудит крупных проектов

Источник: Vanthillo T., Beckers J., Verhetsel A. (2021). The Changing Nature of Regional Policy in Europe // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 37. No. 1. Pp. 201–220.

Благодаря своевременности, аналитической гибкости и относительной простоте практической имплементации концепция УС была взята на вооружение во многих странах или отдельных территориальных образованиях далеко за пределами ЕС: Австралии, Южной Кореи, Сингапуре, некоторых странах Латинской Америки, нескольких штатах США [Kotnik, Petrin, 2017] и даже стала идейным стержнем для нового этапа региональной политики в России. При этом распространено мнение, что теоретическое обеспечение концепции УС заметно отстаёт от темпов реализации на практике, что сказывается в сильной и последовательной критике этого конструкта со стороны академического сообщества.

Критика концепции УС

Идея УС была, с одной стороны, достаточно активно подхвачена в академическом сообществе, что привело к взрывному росту числа публикаций по этой теме. С другой стороны, целая серия из этих работ была посвящена весьма обстоятельной критике, которая сводилась, по большей части, к опровержению теоретической, практической значимости и новизны данной концепции. В качестве яркого примера можно привести дискуссию на страницах солидного журнала *European Planning Studies*: «Шесть критических вопросов об умной специализации» [Hassink, Gong, 2019], «В ответ на “Шесть критических вопросов об умной специализации”» [Foray, 2019], «Шесть дополнительных вопросов об умной специализации: последствия для региональной инновационной политики 4.0» [Benner, 2020] и «Шесть дополнительных ответов — ещё один куплет баллады о S3» [Foray, 2020].

Первый критический пассаж адресован размытости УС в контексте приоритета специализации или диверсификации регионального экономического развития. Также рассматриваемая концепция не слишком соответствует принципам миссия-ориентации современной инновационной политики (т.е. решение какой-либо относительно конкретной социально-экономической или технологической проблемы). Апологеты УС настаивают на том, что специализация и диверсификация — это два параллельных процесса: с одной стороны, благоприятная институциональная среда формирует фундамент для новых инновационных путей роста региональной экономики, а с другой — направления перспективной специализации, опять же базируясь на широком разнообразии инструментов поддержки инновационной деятельности, оперативно становятся объектом концентрации ресурсов.

Весьма тонкая грань, если обращаться к механизмам реализации, проходит между УС и кластерной политикой, что на практике приводит просто к перезапуску действующих кластеров или любых других зон концентрации под эгидой УС. Сторонники УС в целом соглашались, что их концепция во многом пересекается с кластерной теорией, и, более того, успешный итог реализации УС заключается именно в создании территории опережающего развития. Но в концепции УС кластерные образования рассматриваются в качестве динамических структур, требующих постоянной калибровки.

Критики УС ставят под вопрос возможность структурной перестройки экономики территории на почве инновационного предпринимательства, считая, что без масштабного внешнего вмешательства региональные инновационные системы сильно подвержены эффектам «колеи» и «блокировки» (lock-in). Более того, отмечается избыточная концентрация концепции УС на процессах НИОКР и инноваций, при этом игнорируется или, как минимум, не уделяется достаточного внимания другим важным аспектам региональной экономической политики. Однако более актуальные версии концепции УС включают задачи наращивания человеческого капитала, ускорения трансфера новых технологий, распространения новых методов управления, обеспечения взаимодополняемости между ключевыми технологиями и традиционными секторами, развития социальных инноваций и т.д.

Другой источник скепсиса — сомнительная применимость модели УС для всех типов регионов. В частности, экономически отсталые территории, как правило, не обладают развитой институциональной средой, инновационной инфраструктурой, инвестиционным потенциалом, что вряд ли позволит разжечь очаг инновационного роста за счёт внутренних ресурсов. Неясным остаётся и то, насколько УС применима к малым (города, муниципальные образования) или, наоборот, к большим (федеральный округ) территориальным образованиям. Сторонники УС в ответ на эти замечания рекомендуют проводить калибровку мер поддержки в зависимости от размера, уровня развития и отраслевого профиля региона.

Самое острое направление критики базируется на затруднённости или даже невозможности оценки эффективности применения стратегии УС. Существующие подходы (изучение патентной статистики, трансформации секторальной занятости, проведение экспертных опросов) не характеризуют чистый эффект от мер УС. При этом отдельно взятые меры в рамках региональных политик УС (поддержка проектов НИОКР, запуск программ обучения, создание сервисных платформ, возвращение стартапов), как правило, обладают показателями результативности. Тем не менее в академической литературе не удаётся найти примеры оценки эффективности внедрения практик УС. Основной вектор эмпирических исследований направлен на проверку связи выбранных областей региональной специализации в стратегических документах с фактическими технологическими заделами, которые квантифицируются при помощи индекса сравнительных преимуществ на основе патентной информации [D'Adda, Iacobucci, Palloni, 2020; Marrocu et al., 2023]. Кроме того, разработана рамочная схема приложения широко популярной «рейтинговой» оценки (масса показателей, отражающих ресурсы, результаты и эффекты) к стратегиям УС

[Carayannis, Grigoroudis, 2023a]. По всей видимости, более формальные способы оценки эффективности стратегий УС, учитывая высокий академический интерес к этой теме, вполне могут появиться уже в ближайшие годы.

Резюмируя итоги дискуссии, уместно привести сформулированные главным идеологом УС Д. Форайем три отличительные черты концепции, которые детерминируют её оригинальность [Foray, 2020]:

- 1) краеугольным камнем УС является концентрация ресурсов на конкретных целях, но критически важно, чтобы концентрация происходила не в рамках прежнего каркаса (например, несколько наиболее значимых отраслей региона), а была направлена на трансформацию структуры экономики;
- 2) подход УС сочетает в себе логику планирования и логику эволюции на основе самодиагностики реализации поставленного плана. Иными словами, изначальный план, в котором зафиксированы приоритетные структуры для трансформации, постоянно актуализируется и корректируется;
- 3) УС опирается на первостепенность преобразующей деятельности (трансформацию структур), которая охватывает набор взаимосвязанных проектов (включая НИОКР, инновации, инфраструктуру, обучение) и ориентированных на один и тот же приоритет преобразований. Отдельно подчеркивается, что УС не работает на уровне секторов экономики или отдельных, пускай и достаточно крупных проектов.

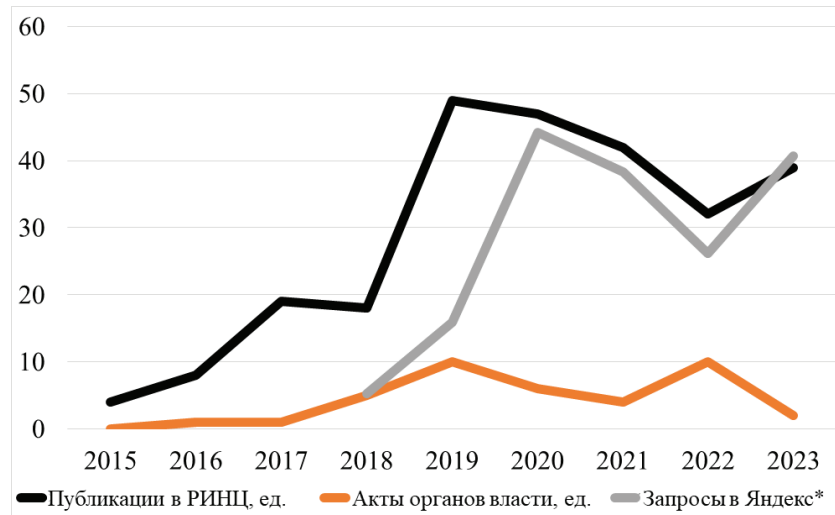
Теория и практика применения концепции УС в России

В российском государственном целеполагании выравнивающая региональная политика доминировала в «тучные» 2000-е гг. [Григорьев, Зубаревич, Урожаева, 2008]. В послекризисный период крен госполитики стал смещаться в сторону концентрации ресурсов: возникли инновационные территориальные кластеры, росло количество особых экономических зон, формировались региональные институты развития и другие элементы инновационной инфраструктуры. Идея УС была воплощена в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.»², и для каждого субъекта РФ были определены перспективные направления экономической специализации на верхнем уровне классификатора ОКВЭД, а также неперспективные области специализации, которые критически значимы для региональной экономики. Механизм реализации Стратегии в актуальной редакции предполагает широкий спектр инструментов: от инфраструктурных бюджетных кредитов и облигаций специализированных обществ проективного финансирования до разработки (обновления) индивидуальных программ социально-экономического развития регионов России. При этом документ не содержит ни описания алгоритма определения региональных специализаций, ни процедур оценки адекватности первоначального выбора специализации (перечень целевых показателей включает лишь две вариации ВРП и один индикатор транспортной мобильности), ни, соответственно, правил корректировки экономических специализаций. Правда, практическая востребованность разработанной матрицы специализаций пока остаётся под вопросом [Яшин, Захарова, 2023].

После принятия Стратегии пространственного развития концепция УС стала привлекать всё больше внимания в управленческих и академических кругах. Так, эта тема вошла в программы крупнейших в России экспертных площадок, включая Петербургский

² Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». <https://docs.cntd.ru/document/552378463?marker=8QC0M6> (дата обращения: 15.05.2024).

международный экономический форум³ и Общероссийский форум стратегического планирования⁴. Однако после 2019 г. интерес со стороны учёных, если считать по количеству работ с использованием этого словосочетания в метаданных публикаций, и законодворцев (количество федеральных и региональных актов с указанным словосочетанием) стал угасать (рис. 1). Аналогичная динамика заинтересованности наблюдалась и среди широкой общественности, судя по интенсивности запросов в поисковике Яндекс. В 2022–2023 гг. произошёл возврат УС в управленческую и исследовательскую повестки, что, очевидно, вызвано перестройкой стратегических направлений развития всей страны в целом и отдельных регионов, а также возросшим запросом со стороны властных структур к академическому сообществу в области научного обеспечения нормотворческой деятельности.

* частота запросов в поисковом сервисе Яндекс приведена в условных единицах, отражающих долю от всех сделанных запросов.

Рис. 1. Оценка популярности УС в академических кругах, нормотворческой деятельности и среди широкой общественности

Источник: разработано автором на основе: elibrary.ru (ТАСС. Эксперты обсудили на ПМЭФ «умную специализацию» регионов и потенциал развития. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6520138> (дата обращения: 15.05.2024)), Гарант (Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/forum-strategov-ukazal-na-problemy-nacionalnogo-razvitiya.html> (дата обращения: 15.05.2024)), Яндекс Вордстат (Яндекс Вордстат. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 15.05.2024))

Достаточно вялый и при этом непостоянный интерес к концепции УС, помимо отмеченных ранее факторов, судя по всему, связан с дефицитом аналитического сопровождения инициатив пространственного развития России на базе региональной специализации [Куценко, Ефферин, 2019]. Несмотря на то, что опубликовано множество исследований, в которых разрабатываются научно обоснованные классификации моделей развития субъектов РФ с характерным набором инструментов региональной инновационной политики (например, [Земцов, Баринаова, 2016]), в подобных работах, как правило, не преследуется цель оценки целесообразности выбора тех или иных приоритетных отраслей в рамках отдельно взятых регионов. Среди немногочисленных исключений выделяется исследование коллектива из НИУ ВШЭ [Куценко, Исланкина, Киндрась, 2018]. По данным за первую половину 2010-х гг. оказалось, что из 5 отобранных субъектов РФ, которые в стратегических документах обозначили ИКТ в качестве приоритетной отрасли, лишь в одном темпы

³ ТАСС. Эксперты обсудили на ПМЭФ «умную специализацию» регионов и потенциал развития. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6520138> (дата обращения: 15.05.2024).

⁴ Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/forum-strategov-ukazal-na-problemy-nacionalnogo-razvitiya.html> (дата обращения: 15.05.2024).

развития данной отрасли превысили среднероссийский уровень. В другом исследовании было установлено, что отраслевой профиль кластерных инициатив во многих субъектах РФ не соответствует фактическим специализациям региональных экономик, что, по мнению авторов, свидетельствует о сбое в координации региональной промышленной политики [Куценко, Абашкин, Исланкина, 2019].

Предпринимались попытки «примерить» рамочную процедуру оценки соответствия территориальных стратегий развития принципам УС, разработанную Европейской комиссией, к выборке российских регионов [Куценко, Исланкина, Киндрась, 2018; Калюжнова, Виолин, 2020]. Как выяснилось, объединяющими характеристиками для обследованных субъектов РФ стали: поверхностный анализ внешней среды, недостаточное включение в разработку документов заинтересованных сторон и игнорирование глобальных вызовов.

Эмпирическая проверка антикризисной устойчивости субъектов РФ

Как считается, одно из достоинств умной специализации заключается в устойчивости развития региональных экономик за счёт институциональной адаптивности и диверсификации производственных процессов [Nijkamp et al., 2024]. Эмпирически проверить данный тезис весьма проблематично, так как для субъектов РФ нет чётких критериев соответствия модели умной специализации. И даже если обратиться к Руководству по УС, выпущенному Европейской комиссией⁵, то однозначно определить, следуют ли местные власти по пути УС, тоже затруднительно. Например, даже на уровне экспертной панели вряд ли возможно объективно оценить степень вовлечённости заинтересованных сторон в реализацию региональных инновационных стратегий или уровень научной обоснованности (информационной обеспеченности) подготовки и сопровождения стратегий. Как известно, региональные стратегии социально-экономического развития в России создаются по механизму государственных закупок, исполнителями которых становятся отечественные научно-образовательные организации или частные аналитические центры, что можно с высокой степенью условности считать априорным научным обеспечением.

В качестве прокси-параметров соответствия региональной политики доктрине УС можно рассмотреть три варианта.

Во-первых, самым банальным случаем выглядит наличие термина «умная специализация» в региональных стратегиях социально-экономического, инновационного развития или иных подобных документах. Однако, как выяснилось, в лексиконе авторов стратегий наравне с «умной» используется еще и словосочетание «эффективная специализация», что, видимо, связано с большей благозвучностью. К примеру, в Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 г. в качестве ключевых направлений развития территорий называется «...развитие отраслей эффективной (умной) специализации с учётом международных рынков и необходимости формирования добавленной стоимости...»⁶. В итоге обнаружилось, что словосочетания «умная» и/или «эффективная специализация» встречаются в актуальных версиях стратегий 22 субъектов РФ. При этом термины «экономическая специализация» или «точки роста» встречаются если не во всех, то в подавляющем большинстве стратегических документов. Однако эти понятия стали проникать в управленческий лексикон и до распространения концепции УС, судя по датам утверждения документов.

⁵ European Commission. Guide on Research and Innovation Strategies for Smart Specialisation (RIS3 Guide). URL: <https://s3platform.jrc.ec.europa.eu/en/w/guide-on-research-and-innovation-strategies-for-smart-specialisation-ris3-guide-> (access date: 15.05.2024).

⁶ Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/2be4c8d2cabdb0ce884b047834a7540f/210119sk.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).

Во-вторых, одним из краеугольных камней УС выступает продвинутая система управления инновационным развитием, включая множество поддерживающих институтов. Задача оценки эффективности управленческих механизмов нередко решается в рамках рейтинговых продуктов. Так, в Рейтинге инновационного развития субъектов РФ НИУ ВШЭ производится обследование качества инновационной политики путём агрегирования информации из трёх блоков [Абашкин и др., 2023]: 1) нормативная правовая база научно-технической и инновационной политики (наличие стратегий развития, региональных законов о науке и инновациях, специальных территорий развития научно-технической и инновационной деятельности и др.); 2) организационное обеспечение научно-технической и инновационной политики (наличие координирующего органа, ответственного за научно-техническое и инновационное развитие, и региональных институтов развития); 3) участие в федеральной научно-технической и инновационной политике (участие в НИОКР, финансируемых из федерального бюджета, наличие на территории субъекта инновационной инфраструктуры с федеральным статусом и др.).

В-третьих, о фактической специализации экономики региона позволяют судить количественные данные, хотя и без разделения на «умную» и «неумную». Классическим приёмом считается использование формул концентрации (в частности, индекса Херфиндаля-Хиршмана) для обчёта отраслевой структуры ВРП и ранжирования регионов по шкале диверсификации экономики (например: [Зюзин, Демидова, Долгопятова, 2020]). Однако данный подход описывает региональную структуру экономики лишь саму по себе без учёта специализации в рамках национальной экономики в целом. Более продвинутый способ определения отраслевого регионального профиля был предложен в Атласе экономической специализации регионов России [Абашкин и др., 2023], где на основе статистики занятости были определены отрасли национальной и локальной специализации. Далее с учётом выявленных сфер специализации вся совокупность субъектов РФ была разделена на четыре группы: сильноспециализированные, среднеспециализированные, слабоспециализированные и полиотраслевые регионы.

Для оценки антикризисной устойчивости индексы физического объёма валового регионального продукта в постоянных ценах в процентах к предыдущему году по всей России сравниваются с индексами отдельных регионов. В последние годы отрицательная динамика национального ВРП наблюдалась в год начала коронавирусной пандемии (2020 г.) и с момента введения санкций 2022 г. Из всей совокупности субъектов РФ превзойти национальные темпы роста удалось в 2020 г. 56 регионам, в 2022 г. — 42, а по итогам обоих периодов — 26 регионам. Таким образом, для данных регионов можно предположить сравнительно более высокую резистентность локальной экономики в период глобальных шоков.

Среди недостатков применения описанных выше прокси-параметров УС в связке с индикаторами антикризисной устойчивости выступает проблематичность временной синхронизации. Так, в стратегии социально-экономического развития и иные подобные документы регулярно вносятся правки, и, наверное, не столь принципиально, в каком именно году тексты дополнились словосочетаниями «Умная/эффективная специализация», а важно то, что вообще концепция УС стоит на повестке региональных властей. Очевидно, что даже упоминание в стратегии тех или иных интенций совершенно не означает незамедлительного их выполнения. Что касается Индекса качества управления, то самая актуальная его версия основана на данных за 2021 г. При этом компоненты этого индекса слабо волатильны, поэтому региональный рейтинг достаточно стабилен, если сравнивать с предыдущими версиями Индекса. Наконец, информация о профиле регионов с точки зрения специализации доступна лишь за 2018 г.; но в данном случае также можно апеллировать к ригидности отраслевой структуры занятости.

Учитывая обозначенные предпосылки и ограничения, по итогам анализа наблюдается разнородность связи между прокси-параметрами УС и антикризисной устойчивостью субъектов РФ в зависимости от кризисного периода (табл. 2).

Таблица 2

Антикризисная устойчивость субъектов РФ в разрезе прокси-параметров умной специализации

Прокси-параметр	Группа	Регионов в группе	2020 г., %	2022 г., %	2020 и 2022 г., %
Все регионы		85	66	49	31
«Умная/эффективная специализация» в тексте стратегии	Есть	22	68	59	36
	Нет	63	65	46	29
Качество инновационной политики	Высокое	15	60	53	20
	Выше среднего	28	57	61	43
	Ниже среднего	30	80	37	30
	Низкое	12	58	50	17
Уровень специализации/диверсификации	Сильноспециализированные	15	93	40	33
	Среднеспециализированные	38	68	42	34
	Слабоспециализированные	19	58	58	21
	Полиотраслевые	13	38	69	31

Рассчитано автором по: данные Росстата (Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s_1998.xlsx (дата обращения: 15.05.2024)), правовая база Гарант (Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://ivo.garant.ru/#/basesearch/%D1%83%D0%BC%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B8%D0%BB%D0%B8%20%D1%8D%D1%84%D1%84%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/all:12> (дата обращения: 15.05.2024)); *Абашкин В.Л. и др.* Атлас экономической специализации регионов. — М.: НИУ ВШЭ, 2021; *Абашкин В.Л. и др.* Рейтинги инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 8. — М.: НИУ ВШЭ, 2023.

Прежде всего надо отметить, что кризисы 2020 и 2022 гг., несмотря на множество схожих черт (шоки предложения, обрывы цепочек поставок, скачки инфляции и валютного курса и др.), сильно различаются в отношении отраслевой структуры перераспределения внутреннего спроса [*Акиндинова и др.*, 2022]. В итоге обнаружилось, что регионы с более прогрессивными стратегиями развития продемонстрировали сравнительно большую устойчивость в санкционный кризис. Качество инновационной политики оказалось нелинейно связано с кризисной резистентностью — лучшие результаты зафиксированы для группы с качеством просто выше среднего. Интересно, что в группе с наиболее сильной инновационной политикой в каждый из двух кризисных периодов более половины регионов опережали среднероссийские темпы развития экономики, однако состав преуспевших регионов сильно различается (только 20% выдержали удар кризиса в оба года). Диаметрально противоположные результаты наблюдаются для групп специализации: если коронакризисный период почти безболезненно преодолели сильно специализированные регионы, то к санкционному шоку более устойчивыми оказались полиотраслевые региональные экономики.

Таким образом, приверженность регионов концепции УС, выраженной через прокси-параметры, крайне неоднозначно сочетается со способностью региональных экономик противостоять кризисным потрясениям.

Заключение

Концепция УС, получившая широкое распространение среди управленцев и учёных в Европе и за её пределами, судя по объёму накопленных критических замечаний, вряд ли может рассматриваться в качестве универсального инструмента форсированного развития региональной экономики. Тем более, что пока нет убедительных эмпирических исследований, доказывающих эффективность УС. При этом в бурных академических дискуссиях идея УС постоянно шлифуется и дополняется. В частности, уже предложены новые версии концепции: УС 2.0, в которой особое внимание уделено как раз витальности мониторинга результатов наравне с укреплением кроссграничных коллабораций на уровне регион-регион [Esparza-Masana, 2022], и даже устойчивой умной специализации, что предполагает интеграцию других модных моделей инновационного процесса в аналитические рамки УС [Carayannis, Grigoroudis, 2023b].

Важно подчеркнуть, что УС создавалась и активно развивалась, когда глобализация и распространение цифровых технологий всё больше укрепляли коммуникационные и производственные связи между различными странами, поощряя международную многостороннюю кооперацию и распределяя страны в глобальных цепочках создания стоимости с учётом оптимальности и эффективности производственных процессов в мировом масштабе [Смородинская, Катуков, 2017]. Мощнейший экономический шок, вызванный коронавирусной пандемией, и санкционное противостояние с 2022 г. убедительно продемонстрировали, что глобальные стоимостные цепочки крайне уязвимы.

В этом контексте встаёт вопрос о том, в какой мере антикризисная устойчивость отдельных регионов обеспечивает экономическую безопасность страны в целом. Иными словами, когда происходит сбой в отдельных цепочках, экономика региона может пострадать ограниченно; но если прекратилось производство промежуточной продукции, используемой для дальнейшего создания критически важных товаров или услуг, то эффект на уровне страны может быть фатальным. Более того, как показывают результаты исследований, регионы в одной и той же стране часто выбирают одни и те же приоритеты, что противоречит идее разделения труда между регионами [Deegan, Broekel, Fitjar, 2021]. Это, пожалуй, ещё один существенный пробел в концепции УС.

Соответственно, для дальнейшего полезного применения идей УС в российском госуправлении необходимо обеспечить гармонизацию интересов специализации в масштабе региона с решением стратегических задач, а именно поддержание экономического, технологического и других видов суверенитета. Самым очевидным предложением выглядит обновление Стратегии пространственного развития РФ в части дополнения перечней перспективных экономических специализаций и неперспективных экономических специализаций, критически важных для экономики региона, списком экономических специализаций, критически важных для экономики страны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абашкин В.Л. и др. (2021). *Атлас экономической специализации регионов России* [Abashkin V.L. et al. (2021). Atlas of economic specialisation of Russian regions]. — М.: НИУ ВШЭ.
- Абашкин В.Л. и др. (2023). *Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации*. Вып. 8 [Abashkin V.L. et al. (2023). Rating of innovative development of the regions of the Russian Federation. Issue 8]. — М.: НИУ ВШЭ.
- Акиндинова Н.В. (2022). *Инфляционные вызовы периода пандемии и уроки для будущего* [Akindinova N.V. (2022). Inflationary challenges of the pandemic period and lessons for the future]. — М.: НИУ ВШЭ.
- Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю. (2008). Сцилла и Харибда региональной политики [Grigoriev L., Zubarevich N., Urozhayeva Yu. (2008). Scylla and Charibdis of regional policy] // *Вопросы экономики*. № 2. С. 83–98. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-2-83-98.

- Земцов С., Барина В. (2016). Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» [Zemtsov S., Barinova V. (2016). The paradigm changing of regional innovation policy in Russia: from equalization to smart specialization] // *Вопросы экономики*. № 10. С. 65–81. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-65-81.
- Зюзин А.В., Демидова О.А., Долгопятова Т.Г. (2020). Локализация и диверсификация российской экономики: региональные и отраслевые особенности [Zyuzin A.V., Demidova O.A., Dolgopyatova T.G. (2020). Localisation and diversification of the Russian economy: regional and sectoral peculiarities] // *Пространственная экономика*. Т. 16. № 2. С. 39–69. DOI: 10.14530/se.2020.2.039-069.
- Калюжнова Н.Я., Виолин С.И. (2020). Умная специализация российских регионов: возможности и ограничения [Kalyuzhnova N.Y., Violin S.I. (2020). Smart specialisation of Russian regions: opportunities and limitations] // *Экономика, предпринимательство и право*. Т. 10. № 10. С. 2457–2472.
- Куценко Е.С., Абашкин В.Л., Исланкина Е.А. (2019). Фокусировка региональной промышленной политики через отраслевую специализацию [Kutsenko E.S., Abashkin V.L., Islankina E.A. (2019). Focusing regional industrial policy via sectorial specialization] // *Вопросы экономики*. №5. С. 65–89. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-65-89.
- Куценко Е., Еферин Я. (2019). «Водовороты» и «тихие гавани» в динамике отраслевой специализации регионов России [Kutsenko E., Eferin Y. (2019). «Whirlpools» and «safe harbors» in the dynamics of industrial specialization in Russian regions] // *Форсайт*. Т. 13. № 3. С. 24–40. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.3.24.40.
- Куценко Е., Исланкина Е., Киндрас А. (2018). Можно ли быть умным в одиночестве? Исследование инновационных стратегий российских регионов в контексте умной специализации [Kutsenko E., Islankina E., Kindras A. (2018). Smart by oneself? An analysis of russian regional innovation strategies within the RIS3 framework] // *Форсайт*. Т. 12. №1. С. 25–45. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.1.25.45.
- Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. (2017). Распределённое производство и «умная» повестка национальных экономических стратегий [Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. (2017). Distributed production and «smart» agenda of national economic strategies] // *Экономическая политика*. Т. 12. №6. С. 72–101. DOI: 10.33917/es-5.163.2019.40-46.
- Тополева Т.Н. (2022). Генезис концептуальных подходов пространственной экономики: основополагающие теории, новые направления и перспективы исследований [Topoleva T.N. (2022). Genesis of conceptual approaches of spatial economy: fundamental theories, new directions and research perspectives] // *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. №4. С. 94–130. DOI: 10.21686/2413-2829-2022-4-94-130.
- Яшин С.Н., Захарова Ю.В. (2023). Стратегия умной специализации как инструмент укрепления экономического суверенитета в рамках инновационного развития РФ [Yashin S.N., Zakharova Y.V. (2023). Strategy of smart specialisation as a tool for strengthening economic sovereignty in the framework of innovative development of the Russian Federation] // *Друкеровский вестник*. №2. С. 5–12.
- Balland P.A. et al. (2019). Smart specialization policy in the European Union: relatedness, knowledge complexity and regional diversification // *Regional studies*. Vol. 53. No. 9. Pp. 1252–1268 DOI: 10.1080/00343404.2018.1437900.
- Benner M. (2020). Six additional questions about smart specialization: Implications for regional innovation policy 4.0 // *European Planning Studies*. Vol. 28. No. 8. Pp. 1667–1684. DOI: 10.1080/09654313.2020.1764506.
- Carayannis E.G., Grigoroudis E. (2023a). Toward a new impact assessment approach of smart specialization strategies using multiple criteria decision analysis // *IEEE Transactions on Engineering Management*. DOI: 10.1109/TEM.2023.3305649.
- Carayannis E.G., Grigoroudis E. (2023b). Towards an ambidextrous, robust and resilient impact assessment of sustainable smarter specialisation strategies (AR2IA/S4) // *Journal of the Knowledge Economy*. Vol. 14. No. 3. Pp. 2420–2462. DOI: 10.1007/s13132-022-00991-2.
- D'Adda D., Iacobucci D., Palloni R. (2020). Relatedness in the implementation of Smart Specialisation Strategy: a first empirical assessment // *Papers in Regional Science*. Vol. 99. No. 3. Pp. 405–425. DOI: 10.1111/pirs.12492.
- Deegan J., Broekel T., Fitjar R.D. (2021). Searching through the haystack: The relatedness and complexity of priorities in smart specialization strategies // *Economic Geography*. Vol. 97. No. 5. Pp. 497–520. DOI: 10.1080/00130095.2021.1967739.
- Esparza-Masana R. (2022). Towards smart specialisation 2.0. Main challenges when updating strategies // *Journal of the Knowledge Economy*. Vol. 13. No. 1. Pp. 635–655. DOI: 10.1007/s13132-021-00766-1.
- Foray D. (2014). *Smart specialisation: Opportunities and challenges for regional innovation policy*. — London, New York: Routledge.
- Foray D. (2016). On the policy space of smart specialization strategies // *European Planning Studies*. Vol. 24. No. 8. Pp. 1428–1437. DOI: 10.1080/09654313.2016.1176126.
- Foray D. (2019). In response to «Six critical questions about smart specialisation» // *European Planning Studies*. Vol. 27. No. 10. Pp. 2066–2078. DOI: 10.1080/09654313.2019.1664037.
- Foray D. (2020). Six additional replies—one more chorus of the S3 ballad // *European Planning Studies*. Vol. 28. No. 8. Pp. 1685–1690. DOI: 10.1080/09654313.2020.1797307.
- Giustolisi A., Benner M., Trippl M. (2023). Smart specialisation strategies: towards an outward-looking approach // *European Planning Studies*. Vol. 31. No. 4. Pp. 738–757. DOI: 10.1080/09654313.2022.2068950.

- Hassink R., Gong H. (2019). Six critical questions about smart specialization // *European Planning Studies*. Vol. 27. No. 10. Pp. 2049–2065. DOI:10.1080/09654313.2019.1650898.
- Kotnik P., Petrin T. (2017). Implementing a smart specialisation strategy: An evidence-based approach // *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 83. No. 1. Pp. 85–105. DOI: 10.1177/0020852315574994.
- Lazzeretti L., Oliva S., Innocenti N. (2023). Unfolding Smart Specialisation for regional economic resilience: the role of industrial structure // *Investigaciones Regionales-Journal of Regional Research*. No. 54. Pp. 5–25. DOI: 10.38191/iirr-jorr.22.015.
- Marrocu E. et al. (2023). Evaluating the implementation of Smart Specialisation policy // *Regional Studies*. Vol. 57. No. 1. Pp. 112–128. DOI: 10.1080/00343404.2022.2047915.
- McCann P., Ortega-Argilés R. (2014). Smart specialisation in European regions: Issues of strategy, institutions and implementation // *European Journal of Innovation Management*. Vol. 17. No. 4. Pp. 409–427. DOI: 10.1108/EJIM-05-2014-0052.
- Nijkamp P. et al. (2024). Institutional adaptability: its relevance for enhancing resilience and smart specialization capacity of the European Union's lagging regions // *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 65. No. 1. Pp. 1–33. DOI: 10.1080/15387216.2022.2112254.
- Rodríguez B. R., Demmler M. (2023). Systematic Literature Review on Smart Specialization: Future Prospects and Opportunities // *Revista de El Colegio de San Luis*. Vol. 13. No. 24. Pp. 1–42. DOI: 10.21696/rcsl132420231497.
- Rodríguez-Pose A. et al. (2014). *The role of government institutions for smart specialisation and regional development*. — Luxembourg: Publications Office of the European Union. DOI: 10.2791/969934.
- Vanthillo T., Beckers J., Verhetsel A. (2021). The changing nature of regional policy in Europe // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 37. No. 1. Pp. 201–220. DOI: 10.1093/oxrep/graa058.

Юревич Максим Андреевич

mayurevich@fa.ru

Maxim Yurevich

PhD (economics), Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

mayurevich@fa.ru

SMART SPECIALIZATION AND ANTI-CRISIS STABILITY OF RUSSIAN REGIONS⁷

Abstract. The concept of smart specialization was developed in response to the management crisis in the field of innovation development in European countries. It quickly gained popularity and was adopted by the governments of many countries, including those outside the EU. The idea of smart specialization was also enthusiastically embraced by the academic community, leading to an explosive growth in publications on the topic. However, many of these works have been devoted to detailed criticism, which primarily involves disputing the theoretical, practical significance, and novelty of the concept. The most acute line of criticism is based on the difficulty or even impossibility of assessing the effectiveness of implementing the smart specialization strategy. In the calculations carried out, the commitment of Russian regions to this concept was expressed through proxy parameters: the presence of the term itself in regional strategic documents, the quality of innovation policy, and the region's economic profile in terms of specialization/diversification. According to the results obtained, a highly ambiguous picture emerges in terms of the ability of regional economies to withstand crisis shocks and the relative level of compliance with the smart specialization doctrine. Thus, this concept, judging by the volume of accumulated critical remarks, can hardly be considered a universal tool for accelerating regional economic development. Moreover, it remains unclear to what extent the crisis resilience of individual regions ensures the economic security of the country as a whole.

Keywords: *smart specialisation, diversification, innovative growth, regional economy.*

JEL: O32, R11, R1.

⁷ The research was supported by the state assignment of the Government of the Russian Federation to the University of Finance for 2024.